

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Не подлежит никакому сомнению, что процесс глобализации в настоящее время вступил в новую фазу, принципиально отличную от сравнительно недавней, уже хорошо изученной и глубоко проанализированной с различных точек зрения. Эта новая фаза в развитии глобализационных процессов характеризуется следующими параметрами:

– современная глобализация представляет собой феномен *полиполярного мира*¹ (а не монополярного или биполярного, как это было еще совсем недавно);

– современный мир складывается из соревнования и борьбы региональных *глобалитетов* (глобализирующих *потенциалов* отдельных цивилизаций), что принимает нередко характер «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон)²;

– общей тенденцией всех современных глобализационных процессов становится *медиацентризм* и *компьютероцентризм* всех развитых национальных культур (заменивший собою преобладавший ранее литературоцентризм) и постоянно расширяющиеся возможности *трансмедиальности* в условиях цифровой и IT-революции.

– общим фоном современных глобализационных процессов является виртуальная реальность³, объединяющая в себе компьютерные технологии, интернет-ресурсы и сетевые коммуникации и охватывающая собой всевозможные феномены культуры, претерпевающие в результате виртуализации глубокие качественные изменения;

– достигаемая таким образом *ценностно-смысловая унификация* культур носит внецивилизационный и внеэтнический характер, что объясняется

¹ См. подробнее: Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.; АСТ, 2003.

³ См.: Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. – СПб.; СПбГУ, 2007.

становлением в целом мировой культуры *третичных моделирующих систем*, выходящих на новый уровень *культурной рефлексии* по сравнению со вторичными моделирующими системами⁴ (наукой, литературой, искусством, публицистикой, философией, политической идеологией и т.п.);

– *язык новых медиа*⁵, который используется при третичном проектировании и моделировании воображаемой реальности, включает в себя гипертексты, интертекстуальные и интермедиальные связи, интерфейсы, контент, медиаархив, репрезентации и т.п., фактически представляя собой *софт-культуру*⁶, не знающую традиционных этно-национальных, социальных, этических, эстетических и др. различий, а потому не подлежащую ни интерпретациям и оценкам, ни качественным характеристикам.

Таким образом, современные глобализационные процессы оказываются включенными в двухслойную информационную среду: один ее уровень предполагает взаимодействие с цивилизационными процессами, заданными соревнованием и борьбой региональных глобалитетов; другой – образован цифровыми технологиями и представляет собой виртуальное пространство компьютерной культуры (во многом «снимающее» напряжение, вызванное межцивилизационными отношениями локальных культур)⁷. Между этими двумя слоями культурного пространства неизбежно возникают противоречия, осложняющие сознание и поведение людей, включенных в механизмы глобализации.

Представим теперь проблемы, с которыми сталкивается постсоветская Россия с контекстом современной глобализации.

⁴ Так Ю.М. Лотман и другие представители Московско-тартуской школы семиотики называли тексты, созданные на языке, на порядок более сложном, чем тексты на естественном языке.

⁵ См.: Манович Л. Язык новых медиа. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

⁶ См.: Манович Л. Теории софт-культуры. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.

⁷ См.: Маккуайр С. Геомедиа: Сетевые города и будущее общественного пространства. – М.: Strelka Press, 2018.

Прежде всего приходится констатировать, что Русь, Россия и СССР – буквально с самого начала своего цивилизационного, культурного и политического самосознания – мыслили себя отнюдь не на периферии мирового культурно-исторического процесса, а по крайней мере причастными к всемирному целому. Во многом это вызвано самим пограничным положением России между Западом и Востоком, а русской и в целом российской культуры – между культурами европейского и неевропейского типа. Тем самым Россия как культурная область и цивилизация – вольно или невольно – претендовала на «центральное», «связующее» место в мире – между контрастными мирами, претендовала на роль «цивилизационного моста» между Западом и Востоком и брала на себя функцию объединения противоречивых частей единого целого, понимаемого как «мировое сообщество».

В то же время это означало, что все противоречия между Западом и Востоком, любые столкновения цивилизационных и культурных интересов западных и незападных цивилизаций так или иначе проходили через российское пространство, становившееся полем борьбы противоположных и взаимоисключающих тенденций мирового развития. Н. Бердяев связывал столкновение двух потоков мировой истории в пограничной зоне великого Востоко-Запада с развитием в границах России цивилизационного катаклизма всемирно-исторической и провиденциальной значимости⁸.

С процессами напряженного диалога Запада и Востока были по-разному, но органично связаны такие переломные в истории России (а вместе с тем, в той или иной степени, и всего мира) события, как Крещение Руси; нашествие монголов и включение Руси в кочевую империю Чингисхана; создание Московского царства, воодушевленного идеей Третьего Рима; Петровские реформы; Отечественная война 1812 г.; Великая крестьянская реформа 1861 г.; русско-японская война, послужившая детонатором русской революции

⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // *Он же*. Русская идея. Судьба России. – М.: ЗАО Сварог и К, 1997. – С. 4 – 5.

1905 – 1907 гг.; Октябрьская революция как «увертюра» мировой революции и всемирной победы коммунизма; участие России в Первой и Второй мировых войнах; кризис советской власти и коммунистической идеологии в СССР на рубеже 1980 – 1990-х годов. Все эти цивилизационные процессы означают причастность российской цивилизации к всемирной истории и истории мировой культуры, т.е. к ранним фазам глобализации.

Среди собственно культурных процессов в истории России тоже немало колоритных примеров. Так, русское православие изначально мыслилось не только как равноправная с другими христианская конфессия, но и как высшая форма всемирного христианства (единственно «правильная» форма прославления Бога). Русское Просвещение понималось как часть общеевропейского и всемирного Просвещения (хотя Просвещение в России было чисто дворянским, в то время как западное Просвещение было целиком буржуазным); русские классицизм и сентиментализм, романтизм и реализм, символизм и футуризм были неотделимы от аналогичных явлений за рубежом, а подчас казались опережающими европейские аналоги.

Изобретенный Сталиным «социалистический реализм»⁹, представлявший собой прямое соединение искусства и политики, считался не только главным и единственным творческим методом советских литературы и искусства, но и судьбоносным явлением всей мировой культуры, высшим достижением всемирной художественно-эстетической мысли. Перспективы социализма в России – западноевропейского и «русского», атеистического и христианского, крестьянского и пролетарского – обсуждались неотрывно от судеб социализма и коммунизма в Европе и во всем мире. Споры западников и славянофилов, почвенников и радикальных демократов, народников и марксистов, большевиков и меньшевиков, троцкистов и сталинистов в конечном счете шли вокруг проблемы соотношения всемирного и самобытного в российской цивилизации, в русской и советской культуре, в

⁹ См. подробнее: *Добренко Е.* Политэкономика соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007.

отечественной истории. Идеи «всемирной отзывчивости»¹⁰ и «всеединства»¹¹ так же зародились в России, как и, например, концепция «перманентной революции» Л. Троцкого.

Когда Н. Бердяев писал о *мессианизме русских*¹², он имел в виду прежде всего стремление русской национальной культуры оказаться в «фарватере» мирового развития и в целом центростремительную тенденцию культурно-исторического пути России. Но при этом Руси-России – в лице ее выдающихся политиков, мыслителей, деятелей культуры – «хотелось» непременно находиться не в арьергарде, не в «хвосте» мировой истории, а в авангарде, т. е. возглавлять ведущие тенденции развития человечества, подавать ему пример, задавать «тон» всемирной истории. Именно в этом смысле Москва, устами старца Филофея, утверждалась в роли «Третьего Рима»; именно Русь считал Юрий Крижанич центром мирового славянства; именно Россию русские славянофилы видели во главе истинного христианства и общечеловеческой нравственности; именно в русской культуре и ее светоче – Пушкине Достоевский усматривал феномен «всемирной отзывчивости».

Когда А. Герцен в порыве ненависти к европейскому мещанству парадоксально заявлял, что Россия уже потому обогнала Европу, что отстала от нее, он имел в виду, что крестьянская община, представлявшаяся Герцену фундаментом будущего социализма и к XIX в. уже не существовавшая ни в одной из европейских стран, приведет Россию к социализму раньше других стран). По-своему верили в российское избранничество и русские народники, отстаивавшие приоритет отечественного крестьянства в мире. На эту же тенденцию, исходя, правда, из других идейных соображений, рассчитывали и те представители русского марксизма, которые уверяли российскую и мировую общественность в том, что именно в России с ее отсталостью (в

¹⁰ Понятие, введенное в оборот Ф. Достоевским в его речи о Пушкине.

¹¹ Центральное понятие философии В.С. Соловьева.

¹² См., например: *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.* – М.: Наука, 1980. – С. 9.

плане развития капиталистических отношений) отныне находится центр мирового коммунистического движения и источник мировой пролетарской революции. Затем, уже после победы Октября, большевики утверждали, что возможна победа социализма в одной отдельно взятой стране, а именно в СССР, что первое в мире государство рабочих и крестьян подает пример другим странам, только вступающим на путь социализма. Словом, «глобализм» не только никогда не был чужд ценностно-смысловому содержанию и исторической направленности культуры России, но и в каком-то отношении был ей предопределен.

Однако почти в такой же мере был свойствен России с давних пор и «антиглобализм». Что же иное, если не «антиглобализм» своего времени, представляла концепция Москвы как «Третьего Рима», предсказывавшая падение и разложение всему миру, связанному с Римом «Первым» и Римом «Вторым»? Что иное имел в виду Иван Пересветов, противопоставляя латинской праведности – святость русских исповедников, соединенную с «турецкой» справедливостью московского государства? Что иное представлял пафос Ивана Грозного, обличавшего «лютость» Лютера и «невежество» римского попа (Папы Римского), высмеивавшего институт европейского парламентаризма и ограниченность абсолютизма в развитых странах Европы. Своеобразным «анотиглобализмом» русских монархов можно объяснить их настойчивое обоснование авторитаризма, деспотизма и крепостничества как специфически российских устоев цивилизации, без которых Россию ожидает хаос, крах идеалов европеизма, торможение и даже приостановление реформ (Петр Великий в его дискуссиях с Лейбницем; Екатерина II – в спорах с Дидро; Николай I – в диалогах с маркизом де Кюстином).

Можно сказать, что российский «антиглобализм» заложен едва ли не в ментальные основания российской цивилизации, в менталитет русского народа. Идея «своего», особого исторического пути, отличного от европейского. Социальное и культурное «охранение», т. е. стремление любой

ценой сохранить свое национально-культурное своеобразие и многообразие, в том числе и то, которым не подобало бы хвалиться, нередко чреватое отсталостью, дикостью (крепостное право, крестьянская община, «русский социализм», «коллективизация», российский неустроенный быт и неразвитое коммунальное хозяйство и пр.).

Обоснование исключительного национально-культурного своеобразия, противостоящего европейскому рационализму и прагматизму и основанного на душевной теплоте, сердечности, отзывчивости. Противопоставление русской «соборности», коллективности – западноевропейскому индивидуализму и эгоизму; российского бескорыстия, энтузиазма, нерасчетливости и широты – западному корыстолюбию, буржуазному частному предпринимательству, рынку, царству «чистогана», отношениям «купли – продажи». Подобные примеры идейной и мировоззренческой конфронтации России «развитым» мировым державам и раньше, и сегодня видятся именно в одном контексте со всеми антиглобалистскими выступлениями в современном мире.

Наблюдения за современными социальными и культурными процессами в мире, так или иначе связанными с глобализацией и антиглобализацией, наводят на мысль, что именно в России, начиная едва ли не с Древней Руси (вспомним двоеверие), эти процессы получили свое самое раннее и самое оформленное развитие. Конечно, прежде всего, приходит на ум полемика западников и славянофилов 30 – 60-х гг. XIX в., которые достаточно ярко и резко выражают тенденции, аналогичные современным глобализму (западники) и антиглобализму (славянофилы). Если западники отстаивали приоритеты социального и культурного развития Западной Европы, полагая их всеобщими, выражающими тенденцию мирового исторического развития (что отвечает и интересам отстающей России, и другим странам и культурам, в культурном и цивилизационном отношении опаздывающим), то славянофилы, отстаивая интересы национально-культурной самобытности славян, в том числе и русских, исходили из идеи

дифференцированного развития различных культур, каждая из которых имеет, по сравнению с другими, свои преимущества и свои недостатки, несводимые к «единому знаменателю» мировой цивилизации.

В споре русских западников и славянофилов (не имеющем буквальных аналогов в истории культурологической мысли Европы или Востока) столкнулись между собой два во многом противоположных, если не взаимоисключающих, дискурса – просветительский и романтический. Первый, *просветительский*, исходил из априорных представлений о требованиях человеческого Разума и о единстве мировой истории и всемирной культуры, связывающих человечество общностью разумных целей и средств их достижения. Для просветителей национальная разобщенность культур преодолима, а общечеловеческая цивилизация – дело ближайшего будущего. Второй дискурс, *романтический*, связан с представлениями об исключительности национально-культурного развития народов и регионов, о принципиальной неуничтожимости межкультурных границ и невозможности объединения национальных культур в одну всемирную цивилизацию. Законы Разума для романтиков не обладают свойствами универсальности и не объясняют всего происходящего в мире. Напротив, в мире и культуре есть много иррационального, даже мистического, индивидуально-личностного, а значит, непредсказуемого и необъяснимого. Сами народы, с точки зрения романтизма, – это коллективные «личности», и унифицировать их, не уничтожив при этом их сущность, нельзя.

Полемика западников со славянофилами – это спор просветителей с романтиками. Нигде, как в России, в русской культуре подобный спор не обрел ни столь колоритной остроты, ни столь жесткой непримиримости, ни столь прямого временного совпадения разных культурных парадигм. Поэтому полемика западников и славянофилов в России способствовала формированию наиболее общей, универсальной «матрицы», по которой (или по аналогии с которой) в дальнейшем строилась конфронтация глобализма и

антиглобализма, отстаивавших соответственно идеи культурно-цивилизационного универсализма в мировом масштабе и культурно-цивилизационной автономии и самобытности (также в мировом масштабе). В этом свете глобалистские концепции выглядят как неопросветительские, а антиглобалистские – как неоромантические, сохраняясь в этом качестве в России до сих пор.

Однако в объяснении проблематики глобализма / антиглобализма выявления ее культурологических корней оказывается явно недостаточно. Необходимо вспомнить, что полемика западников и славянофилов, а затем космополитов и почвенников в России, продолжавшаяся без малого целый век, завершилась формированием дискурса, соединившего в себе идею всемирности и национальной исключительности, общечеловеческой «разумности» и организованного субъективного фактора (в формах диктатуры, насилия, партийной организации, планового централизованного хозяйства, единой идеологии и т. п.).

Речь идет о дискурсе *тоталитаризма*, впервые сложившемся именно в России (в формах ленинизма и большевизма), а затем повлиявшем на все разновидности тоталитаризма практического или теоретического (итальянский фашизм, немецкий нацизм, троцкизм, сталинизм, маоизм и т. д.). Будучи порождением не одной только русской революции и социалистической утопии, но и Первой мировой войны, и неотрывных от нее милитаристских настроений, тоталитаризм дал трещину в итоге Второй мировой войны и почти потерпел крах в ходе холодной войны, также имевшей характер мировой. Однако инерция тоталитарного мышления во всем мире, но особенно в тех странах, где тоталитаризм приобрел государственный масштаб и развивался на собственной основе длительное время, сохранилась надолго, поддерживая своего рода цивилизационный «дрейф».

Собственно, тоталитаризм и был первой исторической моделью глобализма: ведь он претендовал на всемирно-исторический,

общечеловеческий охват всего мира, на выведение всеобщих законов человеческого общежития, на обоснование универсальных путей исторического развития человечества. Другое дело, что модель, разработанная в разных вариантах теоретиками и практиками тоталитаризма, на протяжении XX века многих то увлекавшая, то отталкивавшая, в конечном счете, поразила мир своей ригидностью, бесчеловечностью, жестокостью. Это был первый *вызов* глобализма человечеству.

Современный глобализм, порожденный либеральной цивилизацией, является *ответом* на вызов тоталитарного глобализма. Во многом он оппозиционен и прямо противоположен тоталитаризму. Однако в обоих вариантах глобализации – тоталитарной и либеральной есть и нечто общее. Это стремление унифицировать национальные культуры и пути национально-культурного развития, это использование исключительных средств давления на мыслящую и творческую личность, приводящую к шаблонизации и рутинизации культуры, к формализации и технократизации цивилизаций. Это, наконец, оправдание и даже апология стереотипной и упрощенной массовой культуры, создаваемой для бездумного потребления всем обществом и его политического «успокоения»

Постсоветская Россия, пройдя длительный (почти 80-летний) путь тоталитарного развития, сразу окунувшись в омут американизированного глобализма, в условиях современной конвергенции тоталитарного и либерального дискурсов, переживает период глубокого и трудно разрешимого кризиса, органично вписанного в глобальный контекст. Почти неизбежно антиглобалистские тенденции в России получают характер почвенно-националистический и антизападный, более того, они поддерживаются и прототалитарными силами в России, во многом отражая индустриальный этап исторического развития России в XX веке.

Соответственно глобалистские тенденции опираются на либерально-буржуазные и антитоталитарные течения в постсоветской России,

естественно ориентирующиеся на Европу и США, на формирование постиндустриального общества в России.

Однако именно в России становится – более, чем где-либо, очевидно, что в XXI веке глобализм и антиглобализм – это лишь две разные формы глобализма, конфликт между которыми может быть «снят» и разрешен лишь в рамках постмодернистской, мозаичной парадигмы, постепенно складывающейся на наших глазах. Правда, западная версия этой парадигмы, известная как мультикультурализм, сегодня в Западной Европе проходит серьезные испытания в связи с потоком беженцев с Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии. И еще большой вопрос, выдержит ли подобная модель предписанные ей практические задачи.

В современной России подобные проблемы также стоят, – в связи с неумещающимся наплывом гастарбайтеров из Средней Азии.

В ходе своего исторического развития культура на каждом историческом этапе несет в себе своеобразное обобщение прошлого культурно-исторического опыта. В этом отношении постсоветская культура является продолжением и развитием всех предшествующих этапов / ступеней советской литературы и всех произведений внесоветской литературы, в том числе литературы досоветской, несоветской, антисоветской, «околосоветской» и т.п. Возникающий в соответствующем культурно-историческом контексте синтез разных социокультурных традиций, проблем, стилей, образов сопровождается деидеологизацией, «снимающей» идейно-политические и стилистические различия различных эпох в русской и советской истории.

Не меньшую роль сыграла постсоветская культура, которая, не порывая с культурой советской, впитывала в себя достижения Серебряного века, Русского Зарубежья и советского андеграунда и получала не только глобальное измерение, но и статус культурной «вненаходимости» и метаисторической универсальности. К этому статусу в XXI веке добавилась виртуализация и медиализация информационной среды, что в совокупности

всех факторов придало российской глобализации тотальный и необратимый характер, а российскому глобалитету, переживающему сегодня очевидный кризис и спад, сообщила необходимую прочность и умеренный оптимизм.